

ВОЗМОЖНОСТЬ НАЦИИ-ГОСУДАРСТВА В РОССИИ: ПОПЫТКА ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

С.Я.Матвеева

МАТВЕЕВА Сусанна Яковлевна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Российского независимого института социальных и национальных проблем.

Национальная проблематика и особенно идея "национального государства", "нации-государства" долгое время остаются одними из наиболее трудных для освоения российскими либералами, для которых права человека приоритетны по отношению к правам групп, в частности, выделяемых по этническому признаку. В последнее время, как кажется, формируется либеральное видение российской ситуации, где находится место понятиям "национальное государство", "нация", "национальные приоритеты и интересы" (1).

Дальнейшее изложение представляет некоторые результаты поиска либеральных либо консервативно-либеральных (2) ответов на проблемы национальной государственности России.

ЭТНИЧНОСТЬ, ИМПЕРИЯ, НАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Либералы, если не сводить данное понятие к его узкополитическому аспекту, а рассматривать в широком культурно-цивилизационном смысле, — это люди, которые ориентируются на утверждение в России в качестве приоритетной ценности прав человека, свободы творчества (не в последнюю очередь экономического), развития личной ответственности, равенства всех людей перед единым, общим для них законом в качестве реальных норм гражданской жизни. В понятии "нация", по мнению либералов, объединяются все люди, проживающие на данной территории, признанные гражданами расположенного на ней государства и считающие себя таковыми. Этничность (или — в отечественной терминологии — национальность, национальная принадлежность) как историческая и социальная характеристика подчинена в либеральной системе ценностей доминирующей идее "прав человека". Либеральная политика более чувствительна к "правам меньшинств", в т. ч. этническим, чем к правам этнического большинства. В этом отношении она выступает наследницей просветительских проектов, требующих покровительства для тех, кто в силу естественных причин может оказаться в ущемленном положении. Сопричастность к большинству мыслится как одно из естественных преимуществ в конкурентном социальном мире. Достижение равенства возможностей в этом случае требует поддерживать тех, кто подобного преимущества лишен.

Доминирующей государственной традицией в России был имперский принцип организации, связываемый с нацеленностью культуры на экстенсивное развитие, на территориальное расширение страны без учета возможностей эффективного освоения этих территорий.

В сравнении с либеральным государственно-национальным принципом, возникшим в Новое время, имперский тип государственности сочетается с доиндустриальными обществами, их ценностями. В европейской истории

империям наследовали нации-государства, т.е. буржуазные государства, сложившиеся на базе развитой частной собственности и городской культуры. Нации-государства, если вкратце обобщить их историю, развились как правовые государства, созданные гражданским обществом для поддержания законности в отношениях между его членами и для выражения собственных интересов в отношениях с другими политическими общностями. Расширение территории не входит в непосредственную задачу и в число главных ценностей современных наций-государств, они добиваются усиления своего влияния иными средствами. В таком обществе люди нацелены не на захват источников сырья, но прежде всего на установление контактов для организации совместной деятельности, не в последнюю очередь экономической, для повышения ее эффективности. Такой путь органически противостоит этатристической ориентации государства, в основу которой положен принцип преимущества, господства одного из этносов, независимо от того, имеется ли в виду сама природа этноса как племенная общность или как общность религии и т.д.

Важнейшим различием между империей, ориентированной на экстенсивное развитие, и нацией-государством, нацеленным преимущественно на обустройство жизни граждан, является разное отношение к границам. Имперский принцип, по сути, безграничен, границы империи обозначают лишь установленный в данный момент баланс сил, и всегда существует готовность их раздвинуть, если представится такая возможность. Для нации-государства граница — это предел, обозначающий способность сообщества к обустройству жизни на данной территории, к достижению базового консенсуса по поводу фундаментальных ценностей, к обеспечению правового порядка, согласованных отношений с другими государствами. Расширение территории в этих условиях может поставить под удар гражданское согласие, культурное единство населения, нанести ущерб мировому порядку (3).

Либеральная идеология противостоит имперским ценностям, а сам имперский тип государственности в ее парадигме оценивается как анахронизм для современного мира. Поэтому важно рассмотреть, каким образом сложился этот тип государства, как он связан с этносами, территорией их расселения.

Опыт мировой истории свидетельствует, что те "исконные" этносы, которые составили ядро государства, могли обрастать другими этносами, главным образом насильственно присоединенными или добровольно вошедшими в новое государство, чтобы найти защиту. Полиэтническое государство, где есть некоторый базовый этнос, составляющий главную его опору, складывалось как империя. Почему? Государства, образовавшиеся на догосударственном субстрате, наследуют и догосударственные культурные представления. Люди мыслили себя окруженными враждебным пространством. Захват территорий был средством замирения, превращения "чужих" в "своих".

Империя — многозначное понятие. Этот тип государственности, на мой взгляд, прежде всего характеризуется бюрократическим управлением периферией из единого центра. Локальные элиты могли приобретать большую или меньшую роль в делах управления и, соответственно, располагать той или иной степенью зависимости от имперского центра. Территориальная экспансия, вытекающая из системы ценностей имперского государства, находила свое выражение в системе общественных отношений,

социальной структуре, институтах, накладывала свой отпечаток на характер развития хозяйства, отдельных его отраслей.

ИМПЕРСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРЕДПОСЫЛКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ДО 1917 ГОДА

Имперский тип государственности, установившийся в России со времени завоевания Казани, был органичным для страны в качестве исторического феномена. Важная особенность заключалась в том, что государственность опиралась на колонизацию окружающих малозаселенных пространств, их постепенное освоение путем расселения, ухода жителей центральных регионов на новые земли, в основном на восток страны.

Российская империя вела соответствующую своему статусу политику, включая войны, имеющие целью расширение страны. Сильная управленческая вертикаль сочеталась со слабыми горизонтальными связями. Центр диктовал свою волю окраинам. На бескрайних просторах Евразии все еще сохраняла свою значимость социальная и социокультурная основа имперской государственности — патриархальное и полупатриархальное крестьянство. Почти самостоятельные общины были скреплены властными силами государственного управления, действующего частично через помещиков — этих посредников между государством и крестьянином, частично через неэффективную и своекорыстную бюрократию.

На западных окраинах империи (например, в Польше, Финляндии, Украине) складывалось национальное самосознание, развивался национализм, что подготавливало культурные и политические предпосылки для самостоятельного государственного существования этих народов. Там рождались идеи освобождения от России. Кроме того, расширение земель само по себе увеличивало сложность управления государством, учитывая, что Россия включала и слабозаселенные земли и древние государства вроде православной Грузии и близкой к православию, монофизитской Армении на юге страны, и мусульманские — Бухарское и Хивинское ханства.

Имперский принцип государственности подрывался изнутри. В самом сердце империи начались, казалось бы, незначительные изменения. В деятельности культурной элиты достаточно быстро — по историческим меркам — формировались предпосылки иного типа государства. Характер развивающейся высокой национальной культуры не оставляет сомнений в том, что она являлась христианской и европейской. История свидетельствует, что обмен между западной и русской "высокой" культурой был интенсивным: шло активное заимствование элементов западной культуры и образа жизни. В XVIII и в XIX вв. сложились классические нормы русского языка, расцвели искусства, литература, философия. Русская национальная культура мыслилась одновременно и национальной, и европейской. Даже славянофильская традиция, которую обычно противопоставляют западной в России, была связана с Европой, с некоторыми направлениями европейской мысли.

Гуманистически ориентированный слой образованных людей все в большей степени ощущал озабоченность из-за разрыва, раскола, существовавших между основной частью населения и элитами. Фактически главными темами общественной мысли России стали такие, как "народ и интеллигенция", "народ и власть". Все чаще звучали требования культурного и социального единства в обществе, просвещения масс, улучшения их

социального положения. Развитие элитарной культуры объективно подтачивало устои исторически сложившейся имперской государственности, хотя мысли о несправедливости самого имперского принципа государственности, об отказе от территориальной экспансии, могли до поры и не возникать; часть элиты положительно оценивала имперский тип государственности и вырабатывала для него соответствующие религиозные и идеологические обоснования.

Исторически сложившуюся государственность ослаблял также растущий социальный и социокультурный раскол между промышленными и культурными центрами и сельским населением, между частью общества, ориентирующейся на модернизацию, и традиционалистским и полутрадиционалистским большинством. Этот раскол постепенно увеличивался. К началу XX в. сложилась высокая, мирового уровня культура узкого слоя элиты в столицах, в крупных городах, началась индустриализация, но при этом мало изменилось полупатриархальное, в лучшем случае мелкотоварное крестьянское хозяйство, нарастала маргинализация в деревне и городе. Существенно, что сохранилась устаревшая система управления.

Ориентация государства на экстенсивное развитие, в т. ч. приращивание ресурсов путем территориальной экспансии, рано или поздно должна была исчерпать себя. Необходима была переориентация на интенсификацию развития в своих собственных границах. Некоторые специалисты (см. напр. 4) считают, что Россия уже в прошлом веке стала национальным государством. С этой точки зрения путь к нации-государству, т.е. к государственно организованному сообществу, объединенному общностью фундаментальных культурных ценностей, был пройден ею еще в самой империи; новое содержание вышло в недрах старой государственности.

Вместе с тем есть и серьезные возражения против такого утверждения. Большинство населения страны, по-прежнему жившее традиционными ценностями, неграмотное, было в значительной степени замкнуто в пределах своих общин. Те элементы национального государства, которые успели сложиться к концу прошлого века, в лучшем случае дают основание для гипотезы о существовании национального добуржуазного, предбуржуазного государства, общества, где не созрела еще в массовых масштабах личность нового типа, не сформировалось и гражданское общество.

Тем не менее новые тенденции, включавшие предпосылки и элементы национальной государственности, достигли такого развития, что сделали невозможным сохранение империи в ее сложившемся к тому времени виде. Чем в большей степени модернизировался центр страны, развивались товарно-денежные отношения, буржуазная культура, формировался новый тип идентичности, базировавшийся на ценностях наций, населявших страну, тем в большей степени это подтачивало империю. Развал империи начался под давлением сил, стремившихся к модернизации, а также мелкобуржуазного крестьянства, испытывавшего возрастающее отчуждение от гигантского государства.

Таким образом, можно назвать по меньшей мере три процесса, расшатывавших империю: 1) активизация нерусских народов, склонных ослабить власть центра; 2) модернизационные сдвиги, требующие изменения государственного устройства, продвижения в сторону гражданского общества и правового государства, в сторону нации-государства, реализующих требования своих граждан и защищающих их интересы в мире; 3) идущие из

глубин истории антигосударственные импульсы (5). В последнем случае разрушение империи не несло в себе позитивной идеи организации жизни в большом и сложном современном обществе, оно было чревато реанимацией, воссозданием имперского принципа.

ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИИ В СССР

При разрушении империи, после 1917 г. проявилось совместное действие всех вышеперечисленных сил. В результате стремление части нерусских народов освободиться от России было реализовано. Польша, Финляндия, Прибалтийские государства получили независимость. Другие народы, в меньшей степени тяготевшие или проявившие недостаточную способность к созданию собственной государственности, добились определенной степени автономии в составе нового государства: оно было создано как формально федеративное и союзное, где множество компактно расселенных на своей исторической территории этнических меньшинств вроде бы приобрели права национально—территориальных автономий и даже республик, т.е. де-юре вполне самостоятельных государств со своей системой власти и даже формальным правом на выход из Союза.

Тенденция к образованию нации-государства была наиболее слабой, что вполне естественно, так как за ней стояли относительно немногочисленная русская буржуазия и городские слои, в т. ч. рабочий класс. Учитывая, что рабочие не видели в буржуазии своих союзников на пути продвижения к современному индустриальному типу общества, слагаемыми которого, как известно из мирового опыта, и являются нация-государство, гражданское общество и правовое государство, эта тенденция оказалась ослабленной. В результате задачи модернизации пришлось осуществлять основательно поредевшему после гражданской войны слою индустриальных рабочих "в связке" с полубуржуазной и большевистской бюрократией.

Наиболее массовой была третья составляющая антиимперской борьбы — негосударственные, а то и догосударственные анархические силы. После кратковременного праздника освобождения от государства и попыток жить отдельными коммунарами — локальными мирами — этим людям пришлось вернуться к прежним формам государственной жизни и культуры властвования, которые были ими освоены в длительном историческом опыте.

Новая государственность воспроизвела многое из имперского наследия, однако нельзя ставить знак равенства между Российской империей, во многом сохранявшей традиционную социокультурную основу общественной жизни, и Советским Союзом — государством и обществом, отличавшимся почти мессианской страстью к насаждению ценностей новой индустриальной культуры, нетерпеливым просветительством, чреватых насилием. Имперские и национально-государственные тенденции в СССР внутри страны действовали как будто в одном направлении: если старая традиция состояла в распространении, где это было возможно, православия для ассимиляции иноверцев, то новая власть сознательно и гораздо более настойчиво, не останавливаясь перед насилием, невзирая ни на какие местные особенности, насаждала советскую идеологию как основу единства будущей советской нации.

Государство стало рассматриваться в значительно большей степени, чем до 1917 г., как орудие модернизации периферии, в чем многие видели его позитивное значение, однако сама модернизация в силу антибуржуазной ее

направленности была весьма своеобразной, усеченной, что и позволяет говорить даже о псевдомодернизации. Можно спорить по этому вопросу, однако нельзя забывать, что с культурно-исторической точки зрения в условиях недемократического развития, недопущения культурного плюрализма, искоренения "буржуазной культуры", рыночных отношений "культурный подъем" периферии был ограничен, поскольку опирался на ценности имперской культуры. Крайне важно понять, что, каково бы ни было содержание этой распространяемой культуры, само стремление распространять ее административными методами коренится в архаичных представлениях, основанных на оценке среды за границами своего мира как опасной и враждебной. Против этой угрозы империя знает лишь одно радикальное и окончательное средство: захватить, замирить, окультурить. В том-то и состоит важное различие между имперскими и национально-государственными тенденциями, что первые в полиэтничном государстве опираются на слабое общее культурное основание, которое могло бы объединить народы. Эта слабость компенсировалась гипертрофией административных методов. Национально—государственная интеграция, напротив, базируется на добровольно устанавливаемых между людьми отношениях культурного объединения, и в силу этого значимость бюрократических методов организации снижается, они дополняются экономическими и др. связями преимущественно горизонтального характера.

Идеи культурной интеграции страны продвигали ее по пути к созданию общегражданской советской нации. В духе экстенсивного развития в российском самосознании преобладали идеи помощи другим народам, желание приобщить их к своей правде, включить в свою широко понимаемую общину. Русское мессианство всегда оставалось идеалистическим, чуждым расчетам и корысти. Оно действительно было широким, таким широким, что готово было — в искренней простодушной уверенности в ответной благодарности — включить в себя весь мир (и даже Космос — вспомним об идее установить советскую власть на Марсе — кинофильм "Аэлита" по Ал.Н.Толстому). Эта культурная константа сложилась задолго до 1917 г. "Не Русь рассматривается частью христианского мира, а этот мир включается в содержание Святой Руси и отождествляется с нею" (7). Идея пролетарского интернационализма, с фантастической быстротой овладевшая умами полиэтничного населения бывшей Российской империи, оказалась способной выполнить многие задачи — и государственно-национальные, и имперские одновременно. Она позволяла сохранить и даже приумножить территорию государства, пестрого в культурном и конфессиональном отношении. И русский, и нерусский национализмы как бы повисали в пустоте, их дезинтеграционный потенциал минимизировался. Одновременно страна получала единую культурно-идеологическую основу, т.е., казалось, могла интегрировать население в единую нацию.

Советская нация, объединенная культурным единством, должна была выступить носительницей имперско-интернационалистического духа в противовес местничеству и провинциализму. "Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз"; если кто-то и считал так, то прежде всего русские и русскоязычные в национальных республиках, а также столичные жители, которые несли на себе отблеск сияния Москвы. Для этнических меньшинств при этом открывалась перспектива выхода в широкий мир советской культуры, превращения в представителей советской нации. Это были, как представлялось, мощные процессы. Однако если и происходило формирование нации, то процесс этот оказался, во-первых, незавершенным за годы существования СССР, во-вторых, приходится

говорить скорее не о нации, а о "преднации", соответствовавшей по типу старой добуржуазной нации. Необходимое культурное единство как одна из определяющих характеристик современной нации базируется на экономических интересах государственно организованного сообщества, на светской рационализированной культуре, тогда как ни в советской хозяйственной жизни, ни в идеологии мы этого не найдем.

Кроме того, в самой конструкции нового государства содержалось противоречие, способное разрушить это государство, что фактически и произошло. С одной стороны, неприкосновенными остались многие имперские традиции, цели и ценности, требующие унифицированного управления из единого центра на основе определенным образом интерпретированной культуры базисного этноса. С другой стороны, сложилось некоторое соединение этносов, каждый из которых был носителем специфической культуры, отличной от русской, что в тенденции содержало в себе опасность распада страны. Они впоследствии и явились зародышем новых государств, в т.ч. новых миниимперий.

Важно подчеркнуть, что в этих условиях возникшая тенденция к созданию национальных государств стала интерпретироваться в духе этнонационализма, т.е. стремления положить в основу современного полиэтнического государства ценности одного этноса, навязывая их остальным. Иначе и быть не могло, ибо нация, национальность, этничность в СССР были синонимами. Национализм в сознании населения приобретал неизбежно этнический характер, нация стала пониматься как этно-нация. Соответственно, национальное государство рассматривалось как этническое, т.е. государство, в законах которого либо зафиксировано неравенство прав в пользу "титального" этноса, либо такое неравенство становится распространенной практикой. Понимание национального государства как этнического предельно далеко от либеральных ценностей и либерального понимания нации-государства и его задач. Этнический национализм объективно направлен против интеграции сообщества, он разъединяет людей внутри страны и несет неравенство для меньшинств; он содержит подспудно также и имперский потенциал, даже если конкретный этнос в силу исторических причин эту империю не создает и не может создать.

Здесь возникает важный вопрос: почему советская власть ориентировалась на этносы, а не на иные формы организации, почему допустила опасное для себя противоречие, способное взорвать всю тщательно утверждаемую властную управленческую вертикаль? Объяснение, мне кажется, достаточно простое. В хаосе, который всегда представляет собой общество, где делаются попытки сформировать новую государственность, этносы, эти общности людей, имеющие сложную общественную природу и несущие архаичную иллюзию их естественного, т.е. дообщественного происхождения (что иногда кладется в основу псевдонаучных концепций), представляли собой, как виделось, островки стабильности. Молодое советское государство оказалось не в силах провести в жизнь иной принцип структуризации гигантской Страны, например, губернский, противостоящий этническому. Обещание государственности новым элитам было необходимым условием их вхождения в новое государство. После 1917 г. для многих народов России этничность составляла основу их собственной государственности.

Советский период характеризуется стремлением упорядочить общество, прикрепляя всякого человека к территориальной единице, каждая из которых

выступала как своего рода подсистема государства. Уже первая советская перепись населения (1920 г.) включила вопрос о национальности (до того интересовались языками и религиозной принадлежностью человека). Затем государство жестко и последовательно маркировало население по его этнической принадлежности через обязательную фиксацию этничности в документах. Этничность была прочно закреплена за человеком как его неотъемлемая, биологического типа, черта вроде пола и возраста. Все время в СССР вразрез с задачей формирования "единой исторической общности — советского народа", по сути — советской нации, шел процесс структурирования территории по этническому принципу, иными словами, "территориализация этничности", чем реально подрывалось единство страны (8).

Природа этого процесса противоречива. С одной стороны, он позволял людям, жившим в подмороженном террором тоталитарном обществе ориентировать образ жизни на привычные, исторически сложившиеся этнические нормы жизни и ценности. Но с другой стороны, расшатывались имперские традиции, появлялись ростки местных, в т.ч. и русского, национализмов. Кроме того, ставка на этничность обычно активизирует архаичные ценности.

Возрождение этничности как реакция на официальный советский интернационализм выступает сейчас как фактор развития демократических свобод, утверждения права на традиционный образ жизни и культуру. И это, естественно, — процесс положительный, по крайней мере до тех пор, пока возрожденные обычаи и образ жизни не вступают в противоречие с общегражданскими правами (9).

Вместе с тем возрождение этничности может в числе прочего вести и к этнонаци-онализму, что заставляет постоянно помнить о необходимости подчинения этнических ценностей общедемократическим. В современном исключительно сложном мире, в современном государстве, всегда включающем множество этнических и даже расовых групп, людей, родившихся от смешанных браков, этнический национализм разрушителен, и его использование даже в целях достижения мобилизационного эффекта чревато самоубийственными для данного государства последствиями. Это видно хотя бы по судьбе фашистского "тысячелетнего рейха", который сумел достичь поразительно высокой мобилизационной активности большинства населения на основе этнического национализма и тем не менее реально просуществовал всего 13 лет, успев восстановить против себя весь остальной мир, оставшись в истории человечества черной страницей. Жесточайшая гражданская война, в основе которой лежит этнический национализм, превратила в руины большую часть Югославии.

Таким образом, попыткам ускоренного формирования административными и идеологическими методами новой нации — советского народа противостояла реанимация этнических ценностей, рост русского и нерусского этнического национализма. Эти процессы подпитывали и усиливали друг друга; одновременно с укреплением единства страны укреплялись и предпосылки для ее распада.

АЛЬТЕРНАТИВЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В НОВОЙ РОССИИ

В 1991 г. имперские методы руководства страной и стремление к этнической консолидации пришли в непосредственное столкновение.

Управляющая государством партийная бюрократия раскололась. Возникли новые самые разнообразные государства: от тех, которые несут имперские ценности до тех, которые склонны пойти по пути формирования гражданского общества. Лишь часть будущих новых независимых государств имела опыт государственности и была продвинута вперед по сравнению с метрополией по пути модернизации. В момент распада СССР Россия находилась в трудном положении. С одной стороны, она продолжала нести на себе бремя советского наследия, с другой — явственно ощутилась усталость от усилий выполнить интеграционную задачу в поликультурном и антибуржуазном обществе, найти свою новую идентификацию. Часто забывают, что распад советского государства произошел как результат отказа России как носительницы демократической идеи от СССР как воплощения тоталитарного государства. Эта парадоксальная двойственность, расколота самосознания России как империи и одновременно самостоятельного национального государства (представление о котором также было расколото между государством-этносом и нацией-государством) было заложено в русской элитарной, интеллигентской культуре еще прошлого века.

В оценке происшедшего либеральные представления резко разошлись с идеологическими позициями "державников": бремя сверхдержавы серьезно подрывало возможность направления ресурсов на собственные нужды страны, заставляло участвовать в гонке вооружений, поддерживать правящие режимы в развивающихся странах и странах "соцлагеря".

Есть и другие точки зрения по поводу происшедшего, за которыми стоят весьма мощные социальные силы. Прежде всего — неоимперская, которая базируется на стремлении вернуться к традиционной государственности; затем — этнократическая, согласно которой желательнее создание государства на основе ведущего этноса. Эти точки зрения представляют большую опасность, особенно если учесть, что в их основании лежит чувство национальной ущемленности (10). Они противоречат стремлению идти путем формирования национального государства как правового.

Однако остается, как кажется, ряд оснований и для того, чтобы надеяться на продвижение в сторону менее опасных вариантов государственного строительства. Сформировался мощный городской слой с преобладанием утилитарных ценностей. Это достаточно активный в решении собственных дел социальный тип. Вследствие осознания его представителями личных интересов следует ожидать, что в определенной степени вырастет ценность государства как гаранта стабильности, законности и порядка. Здесь можно заметить определенный прогресс, хотя решающий поворот не достигнут. Продолжается — правда, со многими трудностями — процесс строительства демократических институтов, что потребует времени, а пока содержательная (не формальная) реализация идеи нации-государства выступает в России по-прежнему лишь как одна из возможностей. Речь идет, с одной стороны, о несформированности, неразвитости нации (или протонации), с другой — о том, что отдельные элементы нации в стране складываются (или уже сложились), а значит появились и некоторые предпосылки для качественного сдвига в государственном строительстве, для отказа от имперских ценностей.

Проблема идеологии при продвижении к национальному государству представляет, наверное, одну из самых трудных, так как общество не готово развивать ту, вероятно, единственную форму национализма, которая не является разрушительной для его членов. Это гражданский национализм, солидарность всех граждан данной страны вне зависимости от их этничности.

В СССР ему приблизительно соответствовало понятие "патриотизм", и именно эту интерпретацию, но уже в отношении современной России, предлагает Р.Г.Абдулатипов (11).

Эти и другие соображения заставляют либералов видеть в качестве исходного пункта культурной консолидации общества в России плюралистический культурный субстрат, где общенациональная принадлежность (россияне) и этническая идентичность сосуществовали бы, не разрушая одна другую. Реально, если сохранится вектор демократического развития, будет развиваться и далее этнокультурный плюрализм, где на уровне идеологии возобладает принцип признания равной значимости и поддержки культуры всех этнических групп, населяющих страну. Это предотвратит рост националистических тенденций в общегосударственном масштабе. В условиях сокращения конфликтогенных факторов можно было бы надеяться на постепенное продвижение по пути к наполнению реальным содержанием нации как прежде всего гражданско-политической общности в России. Для этого потребуется длительное время и последовательная устойчивая линия демократической национальной политики.

Против современного понимания нации как согражданства выступают иногда представители нерусских меньшинств. Только "собственные" национально-территориальные образования, с этой точки зрения, предохранят этнические меньшинства от утраты их прав.

Согласие с реальным доминированием большинства, как и борьба против него, связаны со степенью модернизованности самой русской культуры, до сих пор расколота между традиционализмом в различных его формах (чаще всего фантомным, мифологическим) и широким спектром более современных идеологий, в числе которых присутствует и либерализм.

Называет парадокс (которыми, кстати, изобилует российская история): фактически в России продвижение к гражданскому обществу, нации-государству в либеральной интерпретации этих понятий сможет осуществиться лишь при условии объединения общества вокруг этноплюралистической общегражданской идеи.

Этот путь возможен лишь в процессе преодоления имперских, антиреформаторских, тоталитарных тенденций, склонности к этноцентристской государственности и т.д. Однако у России есть и своя специфика. В ней в силу влияния имперских ценностей преобладает представление об историческом поражении, об утрате земель и влияния. Общество ценит свободу не слишком высоко. В идеологии, в общественном сознании появилась реставрационная тенденция (12). Этнический национализм нередко также апеллирует к идеализированному прошлому. Вряд ли сейчас кто-то серьезно озабочен проблемой реального отвоевания утраченных территорий, но, согласно данным ВЦИОМ, сожаления о бывшем СССР испытывают многие. Если прежде в СССР имперская идея содержала просветительский и модернизационный потенциал, то теперь она сузилась до попыток предотвратить опасность дезинтеграции России.

* * *

Перед Россией лишь сейчас открылась возможность преодоления империи как типа государственности. Как уже говорилось, советское

государство отчасти отошло от имперской традиции, но в некоторых параметрах ее сохранило, трансформировав и модернизировав. Имперская ориентация была сохранена прежде всего в системе ценностей, где экспансия, расширение влияния на другие государства, вплоть до прямого их захвата, увеличение территории СССР путем присоединения новых территорий, были в числе высших приоритетов. Ориентация на расширение территорий и влияния часто шла вразрез экономическим интересам, что подчеркивало ее нерациональный характер. Идеологическое обоснование экспансии как распространения коммунизма в мировом масштабе одобрялось массовым сознанием. Почти все время существования СССР экспансионистские идеи воспринимались большинством как само собой разумеющиеся. Теперь впервые эта цель поставлена под сомнение, что проявилось прежде всего в согласии общества с распадом союзного государства, точнее, с отказом от стремления чем-либо жертвовать для его восстановления. Желание заниматься частными делами, обустройством собственной жизни у русского большинства, которое несло на себе основную имперскую ношу, взяло верх над ценностью империи, и это является исходным, но важнейшим условием поворота российского общества к поискам новой государственности.

Сегодня страна живет в условиях, когда ни одна из перечисленных выше тенденций не может возобладать над другими. Поэтому задача заключается в их взаимном согласовании и балансе на федеральном и региональных уровнях. Здесь в который уже раз приходится говорить о тупиковости неимперского и этатрагического путей укрепления новой российской государственности. Вместе с тем нельзя не признать, что единой системы ценностей, вокруг которой консолидировалось бы гражданское общество в стране, да и самой российской нации как согражданства пока еще нет. Поэтому задача состоит в том, чтобы в смутном переходном или промежуточном состоянии сохранить представление об историческом векторе. Движение общества к стабильности через это состояние зависит от осознания массами гражданской ответственности за судьбу страны, за формирование жизнеспособного общества.

1. См., в частности, статьи авторов журнала "Полис": Зубов А.Б., Салмин А.М. (1991, № 1), Салмин А.М. (1992, № 1 /2), Вишневский А.Г. (1994, № 2), Ильин М.В. (1994, № 1,2; 1995, № 2), а также "круглые столы" клуба "Свободное слово" — "Национальное государство" ("Полис", 1992, № 5/6), журнала "Полис" - "Национальный интерес" (1995, № 1).

2. См. Матвеева С.Я. Консервативный либерализм в современной России. — "Общественные науки и современность", 1993, № 2.

3. Колебание между этими двумя принципами заметно на примере чеченской войны. С одной стороны, нежелательна утрата территории, когда-то завоеванной и включенной предками в состав Российской империи, с другой стороны, ощущается культурная чуждость этой территории, неспособность включить ее в тот порядок, который имеет место в других частях России, и это побуждает желать отторжения этого режима.

4. См. Гудков Л.Д. Русский национализм как сопутствующий феномен политической демобилизации. — Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. М., 1994, ч. 1, с. 119-120.

5. См., в частности, Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991, т.3, с.335.

6. См., например, Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен и этнополитическая реальность Закавказья. — *Метаморфозы традиционного сознания*. СПб., 1994; Нахманович В.Р. Еврейский вопрос во внутренней политике Александра II. — *Россия и реформы*. Вып. 1. М., 1991; Полунов А.Ю. Православие в Остзейском крае и политика правительства Александра III. — *Россия и реформы*, вып. 2. М., 1993; Кузеев Р.Г., Мухамедьянов Ш.Ф. О национальной политике России в Волго-Уральском регионе во второй половине XVI — начале XIX в. (постановка проблемы, пути изучения). — *Россия и Восток: проблемы взаимодействия*. Уфа, 1993, с.22.

7. Тульчинский Г.Л. Об одной ошибке русской философии. — "Звезда", 1994, № 9, с.157.

8. Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект). — *Этничность и власть в полиэтнических государствах*. М., 1994, с. 17.

9. Колосов В.А., Криндач А.Д. Россия и бывшие союзные республики: проблемы нового пограничья. — "Полис", 1994, № 4. ^

10. Славный Б.И. Гражданский мир в России. — "Знамя", 1995, № 1.

11. Абдулатипов Р.Г. Парадоксы суверенитета. М., 1995, с. 116,117. Его же. *Власть и совесть: политики, люди и народы в лабиринтах смутного времени*. М., 1994, с.227.

12. Здравомыслов А.Г. Культурная ситуация в России и проблема конфликтов. — *Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов*. М., 1994, ч. 1, с.28.